

Чжоу-гэ ни о чём не подозревал. Услышав, что У Цинъюань хочет отблагодарить семью Линь за гостеприимство, он, не задумываясь, выложил всё, что знал.

— В этих лавках всё продаётся? — У Цинъюань молча слушал, запоминая названия, а затем уточнил.

— Где-то есть, где-то нет. У нас в городке нет кондитерской, а в лавках сладости не всегда бывают, нужно зайти и проверить. Кстати, двоюродный брат, мы можем зайти в лавку Фуцзи на Восточной улице, у них самый богатый ассортимент. Заодно купим соли и масла, а если наберём много, они потом сами всё в деревню доставят.

Чжоу-гэ догадался, что У Цинъюань хочет купить сладости в подарок семье Линь, и одобрительно кивнул. Отблагодарить Линей было правильным делом, а что до А-Мо... У Цинъюань знал: тот будет рад ткани, но сладостям обрадуется куда больше. Он слишком хорошо изучил предпочтения своего друга.

— Хорошо. На улице слишком жарко, я схожу сам, а ты отдохни здесь и подожди меня.

Запомнив название лавки, У Цинъюань оставил Чжоу-гэ присматривать за грудой отличной ткани, а сам отправился по делам. Чжоу-гэ остался в лавке, разрываясь между восторгом от дорогого товара и тревогой за сохранность покупок.

У Цинъюань тем временем быстрым шагом направился к Восточной улице. Он уже не раз бывал в городке и отлично ориентировался, так что спрашивать дорогу не пришлось.

Он шёл быстро. Описание Чжоу-гэ живо рисовало в воображении улыбку мальчика, когда тот получит угощение, и сердце У Цинъюаня нетерпеливо сжималось. Он и сам не понимал, почему так засуетился. На словах он просто хотел отблагодарить семью Линь, но в мыслях крутилось лишь одно: что именно купить для Линь А-Мо, чтобы тому понравилось?

У Цинъюань был умён, но с эмоциональным интеллектом у него были странные отношения. Он прекрасно анализировал факты, но когда дело касалось его собственных чувств, он словно терял ориентиры.

За тридцать с лишним лет прошлой и нынешней жизни он повидал немало красавиц и прекрасных юношей, многие из которых сами искали его расположения, но у него никогда не было близких отношений. Друзья даже подозревали, что с ним что-то не так: перед ним раздевались ослепительные красавицы и соблазнительные юноши, а он оставался совершенно равнодушен. Он и сам начал сомневаться в своей природе, пока утренние реакции организма не подтвердили, что он абсолютно нормален. В итоге он решил, что у него просто железная выдержка, а «судьба» ещё не наступила. Со временем он стал ещё более нечувствительным к подобным вещам.

Но сейчас, не осознавая, что уже проникся симпатией к Линь А-Мо, У Цинъюань лишь

представлял, как тот смеётся, и прибавлял шаг. После тридцати лет затишья его сердце вдруг отозвалось необычным, почти пугающим волнением.

Быстро купив всё необходимое в лавке Фуцзи, он уже собирался вернуться в магазин тканей, когда заметил впереди крадущуюся фигуру. Человек был закутан в платок, закрывавший лицо, но У Цинъюань мгновенно узнал эту гибкую походку и одежду, которую видел на ком-то сегодня утром. Это был Линь А-Мо.

Не успел он окликнуть юношу, как тот юркнул в переулок и скрылся в здании, похожем на увеселительное заведение.

— Эй, уважаемый, не подскажите, что это за дом напротив? — У Цинъюань остановил прохожего, указывая на здание с вывеской, иероглифы на которой он ещё не успел выучить.

Мужчина окинул его взглядом и хмыкнул:

— Брат, ты не местный? Это же Цзуйхуалоу, самый известный в нашем городке дом свиданий, разве не слышал?

У Цинъюань почувствовал, как дёрнулся глаз.

Будучи современным человеком, он мало знал о древности, но перед перемещением успел проштудировать немало информации, чтобы подготовиться к новой жизни. Название Цзуйхуалоу ему ни о чём не говорило, но слово дом свиданий не оставляло места для двусмысленности. Это был самый настоящий публичный дом!

Зачем добропорядочному юноше А-Мо понадобилось идти в такое место? Хотя характер у него был живой и смелый, он не мог не понимать, какие последствия ждут маленького гэ, если станет известно, что он здесь побывал.

Отделавшись от ухмыляющегося прохожего, У Цинъюань долго смотрел на двухэтажное здание, из которого доносились звуки музыки, и решил проверить всё сам. Купив по дороге леденец, он уговорил какого-то мальчишку передать Чжоу-гэ весточку, что задержится, а сам направился к заднему входу Цзуйхуалоу.

Он не стал входить внутрь, а решил подождать у чёрного хода. Для него здешние гэ, несмотря на свою способность рожать, ничем не отличались от мужчин — та же физиология, те же физические возможности. Однако в глазах местных жителей гэ, обременённые «тремя послушаниями и четырьмя добродетелями», стояли даже ниже женщин, ведь не каждый мужчина хотел связывать жизнь с гэ, если только не был слишком беден.

Он не мог вломиться внутрь: если станет известно, что Линь А-Мо посещал такой дом, его репутация будет уничтожена, а это бросит тень на всех девушек семьи Линь.

Прождав больше получаса, У Цинъюань начал нервничать. Место было сомнительное, кто знает, что могло там случиться? В конце концов, терпение его иссякло. Он поправил одежду, подошёл к слуге, охранявшему заднюю дверь, и, завязав разговор, сунул ему в руку несколько монет.

— Брат, ты парень понятливый. Что хочешь узнать? Говори, — глаза слуги засияли, стоило ему почувствовать вес меди.

У Цинъюань не стал тянуть:

— Тот юноша, что вошёл недавно... зачем он здесь?

Слуга заколебался. Он узнал А-Мо — тот всегда щедро делился деньгами, и предавать его было неловко. У Цинъюань, заметив это, молча добавил ещё десять монет. Глаза слуги блеснули ещё ярче — совесть совестью, а серебро важнее.

— Да ничего особенного. Тот юноша не из наших, он приходит сюда делать «выщипывание» — ну, когда лицо чистят, чтобы стать красивее. Ты понимаешь?

У Цинъюань понял. Речь шла о примитивных косметических процедурах. Стало быть, А-Мо здесь подрабатывает? Но семья Линь хоть и не богата, но и не бедствует, стоит ли так рисковать? В этом феодальном обществе визит в подобное заведение для порядочного человека — пятно на всю жизнь.

В этот момент из глубины двора донеслись крики. У Цинъюань заглянул внутрь и вместо тревоги испытал странное чувство, близкое к смеху.

По коридору, пошатываясь, шли несколько пьяных мужчин — судя по густым бородам и необычной одежде, это были заезжие торговцы-ху. Они были огромны, словно горы, и наводили ужас на всех вокруг. Окружённые ими двое гэ — один красивый, в ярком наряде, и второй, закутанный в платок, — явно были напуганы. Но если первый дрожал, то второй, закрывший лицо, стоял прямо и, набравшись смелости, что-то говорил громилам.

Услышав ответ, ху расхохотались и потянулись к нему. Юноша не растерялся и, широко открыв свои большие глаза, спросил:

— Вы правда хотите, чтобы я выпил с вами?

— Да! Если красавица составит нам компанию, мы отпустим его! — Громилы с интересом разглядывали его фигуру. Лица не видно, но глаза — загляденье, да и талия тонкая, бёдра округлые... точно красавица!

— Идёт. Я составлю вам компанию, но сначала отпустите его.

Юноша улыбнулся, шепнул что-то на ухо спутнику, и тот поспешно скрылся. Когда красавчик

убежал, ху, одурманенные вином, потянулись к «красавице». Юноша ловко увернулся и, улыбнувшись, медленно снял платок с лица.

— Господа, не называйте меня красавицей, я же стесняюсь...

Когда платок упал, перед ними предстало лицо, изуродованное огромным синим пятном. Громилы отшатнулись, их лица перекосились от ярости.

— Чёрт! Уродец, ты смеешь нас дурачить! — взревели они, бросаясь в драку.

Юноша, несмотря на ловкость, оступился и подвернул ногу. Казалось, беды не миновать, но тут подоспела охрана дома свиданий. Однако ху были сильны, и охранники начали сдавать позиции.

Стоя у входа, У Цинъюань не стал входить. Он достал из своего «пространства» специальную рогатку и, подобрав с земли камешек, прицелился. Его чувства были в разы острее, чем у обычного человека, а слабые точки он знал превосходно. Несколько точных попаданий — и ху замерли, парализованные внезапной слабостью. Охранники тут же скрутили их.

— В управу их! — распорядилась подросевшая хозяйка заведения. — В моём доме дебоширить?!

Разобравшись с гостями, она обернулась к юноше, который уже потирал ушибленную ногу:

— А-Мо, спасибо тебе. Нога сильно болит?

— Пустяки, пройдёт. Если хотите отблагодарить — в следующий раз дайте мне больше заказов на чистку лица, — хитро улыбнулся Линь А-Мо.

Получив согласие, он радостно поблагодарил женщину, снова замотал лицо платком и, прихрамывая, пошёл к выходу.

— А-Мо... — раздался знакомый голос, как только он переступил порог.

Юноша замер. Он медленно повернул голову и увидел У Цинъюаня, который, скрестив руки на груди, прислонился к стене и смотрел на него с полуулыбкой.

— Брат У, вы... вы ошиблись человеком! — выпалил он, прикрывая голову руками, и бросился наутёк.

— Линь-А-Мо, у меня всё в порядке со зрением, — У Цинъюань ловко перехватил его, словно нашкодившего котёнка, и, наклонившись, тихо произнёс: — Если ты не А-Мо, то почему называешь меня братом У?

Линь А-Мо, поняв, что ложь раскрыта, поднял голову и выдавил из себя улыбку, хотя в его глазах читалась явная досада.

— Не так уж случайно, — ответил У Цинъюань на его попытку оправдаться. — Я видел, как ты зашёл сюда, и пошёл следом. Может, расскажешь, зачем ты здесь? И почему утром обманул меня?

— Я... я просто... — А-Мо замялся, озираясь по сторонам в поисках пути к отступлению.

У Цинъюань прищурился:

— Не хочешь говорить? Что ж, я могу спросить у твоего отца. Думаю, он лучше знает, что это за место — Цзуйхуалоу. Как считаешь, А-Мо?

— Брат У, как вы можете! — А-Мо надулся, глядя на него с возмущением.

— Расскажешь всё — и я промолчу о том, что ты посещал публичный дом, — с невозмутимой улыбкой добавил У Цинъюань.

Через полминуты юноша, понурив голову, как провинившийся щенок, начал свой рассказ. Всё оказалось именно так, как он и предполагал: А-Мо приходил сюда подрабатывать чисткой лица. Опасаясь, что У Цинъюань всё же донесёт отцу, он выложил всё — от начала и до конца.

<http://bllate.org/book/20032/1977521>